

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027390-5

В никуда: от поэтизма до элемента быденного языка

© 2023 г. И. В. Фуфаева

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
iriel@inbox.ru

Резюме. В статье рассматриваются результаты исследования истории возникновения и функционирования русской идиомы *в никуда*, представляющей собой субстантивированное местоименное наречие места *никуда* с предлогом направления *в*. Идиома *в никуда* является частью выразительных средств разных стилей современного русского языка, в том числе разговорной речи и публицистики, причем выразительность этой идиомы обусловлена необычностью, “неправильностью” ее конструкции, которая в принципе не характерна для русской речи. Анализ Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показал, что идиома *в никуда* устойчива как поэтизм. В XXI в. ее частота гораздо выше в поэтическом подкорпусе, чем в остальных подкорпусах НКРЯ. В XX в. исследуемую единицу можно встретить в произведениях поэтов всех направлений, в том числе таких известных, как Бродский, Ахматова, Цветаева, Слуцкий, Генрих Сапгир, Борис Рыжий и пр. Далее, впервые среди текстов корпуса описываемая единица встречается в произведении поэта-символиста Ивана Рукавишников, написанном не позднее 1910 г. При этом в первые десятилетия существования, в отличие от нынешнего времени, эта единица встречается исключительно в поэтических контекстах и лишь с конца 1930-х проникает в бытовую и публицистический дискурсы. Исследование проводилось с помощью таких методов, как корпусной анализ, метод расчета общей частоты лексемы, который в данном случае был применен к идиоме, источниковедческий метод. Материалом послужили данные НКРЯ и коллекции Google.books. История идиомы *в никуда*, как представляется, демонстрирует механизм проникновения поэтизмов в общенародный язык.

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: русский язык, язык поэзии, поэтизмы, идиомы, субстантивация наречий, корпусной анализ, частотность в языке.

Для цитирования: Фуфаева И.В. *В никуда: от поэтизма до элемента быденного языка* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 55–62. DOI: 10.31857/S160578800027390-5

V Nikuda (“To Nowhere”): From Poeticism to the Element of Everyday Language

© 2023 I. V. Fufaeva

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the National Research University “Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
iriel@inbox.ru

Abstract. The article deals with the results of a study of the history of the emergence and functioning of the Russian idiom *в никуда* “to nowhere”, which is a substantiated pronominal adverb of place *никуда*

(“nowhere” or “anywhere” in different contexts) with the preposition of direction *в* (“to”). The idiom *в никуда* “to nowhere” is part of the expressive means of various styles of the modern Russian language, including colloquial speech and journalism, and the expressiveness of this idiom is due to the unusual, “irregularity” of its construction, which, in principle, is not typical for Russian speech. The analysis of the National Corpus of the Russian Language (NRC) showed that the idiom *в никуда* “to nowhere” is as stable as poeticism. In modern Russian, it is much more frequent in the poetic subcorpus of the NRC than in other subcorpora. The unit under study can be found in the works of poets of all directions, including such well-known ones as Brodskiy, Akhmatova, Tsvetaeva, Slutskiy, Heinrich Sapgir, Boris Ryzhiy, etc. Further, for the first time among the texts of the corpus, the described unit is found in the work of the symbolist poet Ivan Rukavishnikov, written no later than 1910. At the same time, in the first decades of its existence, unlike today, the unit *в никуда* “to nowhere” is found exclusively in poetic contexts and only from the late 1930s penetrates into everyday and journalistic discourses. The study was carried out using such methods as corpus analysis, the method of calculating the overall frequency of a lexeme, which in this case was applied to an idiom, and the source study method. The material was NRC data and Google.books collections. The history of the idiom *в никуда* “to nowhere” demonstrates the mechanism of the penetration of poeticisms into the national language.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Key words: Russian language, language of poetry, poeticisms, idioms, substantiation of adverbs, corpus analysis, frequency in the language.

For citation: Fufaeva, I.V. *V nikuda: ot poetizma do elementa obydenного yazyka* [*V Nikuda* (“To Nowhere”): From Poeticism to the Element of Everyday Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 55–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027390-5

Введение

В русском языке XXI века в текстах разнообразных жанров можно встретить конструкцию *в никуда*, часто – в качестве определения существительных *дорога* и *путь* (обычно в их метафорическом значении) или обстоятельства места при глаголах. Ниже примеры употребления конструкции в разных жанрах, найденные с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]¹.

В поэзии: “*Это, солнышко, дорога в никуда, / общение о ком-то ни о ком*” [М.Н. Айзенберг. “Это, солнышко, дорога в никуда...” (2011)]; в СМИ: “*Для отечественной промышленности – это путь в никуда*” [Иван-дурак и миллиардер Шахновский // “Завтра”, 2003.08.22]; в приватном устном диалоге: “[Саша, муж, 25, бухгалтер] *Не хочется уходить в никуда... но они обнаглели*” [Разговор друзей (2006)]; в художественной прозе: “*Сидела как ватная кукла с глазами в никуда*” [Виктория Токарева. *Своя правда* // “Новый мир”, 2002].

Лексема *никуда* в такой конструкции является существительным, появившимся в результате конверсии (субстантивации) отрицательного местоименного наречия *никуда*. Субстантивность

¹ Здесь и далее все примеры, найденные по НКРЯ, даются с такой же ссылкой в квадратных скобках, как в НКРЯ.

лексема проявляется в ее сочетании с предложением направления *в* и сочетании всей конструкции с глаголами без отрицательной частицы *не*, причем конструкция стоит после глагола, тогда как в обычной роли наречия слово употребляется без предлога и перед глаголами с частицей не. Стандартно: *никуда не уйду*. В описываемом случае: *уйду в никуда*.

Иногда в этой конструкции лексема *никуда* имеет при себе определение, что ярко подчеркивает ее субстантивность: “*Прыжок вниз был равносильно падению в бездонное Никуда*” [Слава Сэ. Ева (2010)].

В единичных случаях предлог меняется:

*Татарское, дремучее,
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
– Само оно – беда* [А.А. Ахматова. *Имя* (1958–1963)].

Языковая субстантивация наречия для русского языка необычна в принципе; как пишут Л.И. Рахманова и В.Н. Суздальцева, «случаи языковой субстантивации наречий весьма редки: вчера, сегодня, завтра и нек. др. Например: “Я прочла его послесловие... и советую прочесть всякому, кто активно размышляет о вчера, сегодня, завтра” (Комс. пр. 1989. 18 авг.)» [2, с. 239]. Н.Е. Петрова в работе, посвященной субстантивации и деадвербиализации наречий в современном

русском языке, приводит примеры только контекстуальной субстантивации, напр. “*Терпения и веры, любви и волшебства, трагическое после, счастливое сперва*” (Булат Окуджава “Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...”), то есть вообще не упоминает случаев языковой субстантивации [3]. Что касается языковой субстантивации отрицательных местоименных наречий, то таковая в русском языке выглядит еще менее обычной.

Нестандартное употребление лексемы *никуда* в идиоме отражает нарочитое нарушение логики: “двигаться куда-то” невозможно, любое движение и любой путь куда-то направлены. Это нарушение логики, лежащее в основе нарушения сочетаемости, и делает оборот средством языковой выразительности.

Предлагаемое исследование истории оборота спровоцировано знаменитыми строчками из стихотворения Анны Ахматовой “Один идет прямым путем...”, написанного, как считается, в 1940 году:

*А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса* [А.А. Ахматова. “Один идет прямым путем...” (1940)].

Возникший вопрос о том, насколько оборот был распространен в 1930–40-е годы, был ли он в это время свежим и необычным, вызвал постановку и других задач исследования: выяснить, какое употребление оборота с предлогом *в* первично: поэтическое, медийное или бытовое, как и при каких обстоятельствах возникла субстантивация наречия *никуда*. Исследование проводилось корпусными и источниковедческими методами, материалом послужили данные НКРЯ [1] и коллекции Google.books [4].

Употребление оборота *в никуда* в русском языке XXI века

Чтобы выяснить, в каких жанрах и стилях оборот сейчас наиболее употребителен, были рассчитаны величины, аналогичные общей частоте лексемы *ipm* (instances per million words, число употреблений на миллион слов корпуса), то есть число употреблений (вхождений) оборота на миллион слов каждого из четырех подкорпусов НКРЯ с 2000 г.: основного, поэтического, газетного и устного.

Как оказалось, в русском языке XXI века исследуемая единица наиболее частотна в поэтических текстах. Выборка поэтического корпуса НКРЯ

с 2000 г. по настоящее время² сравнительно невелика, всего 213 тыс. слов, но в ней оборот употреблен 5 раз, в т.ч. один раз с определением:

*Вот сад, где ртутная вода
Стекала всю ночь тройным уступом
В темнеющее никуда
По темно-голубиным купам...* [О.А. Юрьев. Гимн весне (2007–2010)].

Это соответствует 24 употреблениям на миллион слов. Если бы мы исследовали не конструкцию с предлогом, а лексему, то число 24 было бы частотой (*ipm*) этой лексемы в поэтическом корпусе XXI века; в нашем случае можно сказать, что это величина, аналогичная частоте лексемы в названной выборке.

Чтобы понять, много это или мало, можно посмотреть, какие слова имеют в Новом частотном словаре [5] такие же частоты (рассчитанные по всему корпусу НКРЯ с 1950 г., независимо от жанра). Это вполне обычные слова: *ласковый, автоматический, вследствие* и подобные. Т.е. конструкция *в никуда* в языке поэзии XXI века так же распространена, как в обычном литературном языке — слово “*ласковый*”.

В других жанрах оборот в этот же период более редок.

В художественной прозе и публицистике, составляющих базу основного корпуса НКРЯ, с 2000 г. содержится 384 вхождения *в никуда* (из них 16 с определением) на 87 миллионов слов, что примерно равно *ipm* 4.5. В Новом частотном словаре это частота слов *всего, грустить, охват*.

Еще ниже частота оборота в устном корпусе с 2000 г. — 28 вхождений (почти исключительно в устной публичной речи) на 9 миллионов слов, т.е. примерно *ipm*=3, *ipm* 3 — частота слов *гармонично, детеныш, метко*. Контекстов с определением здесь нет.

Реже всего единица встречается в газетном корпусе НКРЯ XXI века: всего 817 вхождений на 330 миллионов слов, что примерно равно *ipm* 2.5. Контексты с определением в СМИ очень редки, их всего 6: “*Не в туманное никуда, а в Совет Федерации*” [Леонид Шахов. Время кардиналов // Известия, 2013.05]. Частоту *ipm* 2.5 в Новом частотном словаре имеют лексемы *автострада, безработный, вернисаж*.

² При этом последнее на данный момент употребление в выборке относится к 2015 г., что связано и с относительно небольшой долей более поздних произведений в поэтическом корпусе.

Итак, оборот *в никуда* сейчас не является редкой единицей ни в художественной прозе, ни в устной речи, ни в публицистике, то есть имеет явные признаки речевого клише, но главной сферой его употребления является поэзия, где он действительно широко распространен.

Появление оборота в романе Серебряного века и его раннее употребление

Впервые в текстах НКРЯ выражение встретилось в произведении поэта-символиста и стихотворного экспериментатора Ивана Рукавишников, но не в стихах, а в его прозе: романе «Проклятый род». Судя по данным, приводимым Л. Шиян в предисловии к изданию романа в 2018 г., это произведение было написано не позднее 1910 года, поскольку две части романа были опубликованы журналом «Современный мир», начиная с первого номера 1911 года; в 1912 г. роман был издан полностью с третьей частью «На путях смерти» [6]. Всего в тексте *в никуда* встречается 10 раз, и почти во всех случаях в качестве обстоятельства места при глаголах *глядеть, смотреть*: «*И волю глядел на Юлию Степа. Она же в никуда*»; «*И в никуда, в свой близкий ужас смотрел Виктор, и не видел Зою, и ей ли говорил...*» [И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)].

По стилю роман Рукавишников — это типичная проза поэтов Серебряного века, о чем свидетельствует практически любой фрагмент: «*И хотелось опять и опять так поцеловаться. Но духи крепости далекой под косым потолком в тучу сбились. Но смех, словами шутивными порожденный, тут же, над ними, над братом с сестрой порхает, смотрит*»; «*И скоро сидел — глазами пил камни старины, молчащий среди молчащих. И тих был узкий канал*» [И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)].

Таким образом, одно из первых (возможно, первое) употребление оборота в русском языке встречается в художественной прозе, но близкой по стилю к поэзии, и в творчестве автора, профессионально экспериментировавшего с языком.

Вновь в корпусных текстах единица появляется в произведении, написанном спустя 6 лет. В стихотворениях футуриста и имажиниста Вадима Шершеневича, датированных 1918 г. и затем вошедших в книгу «Лошадь как лошадь», изданную в 1920 г., она использована 4 раза, впервые в январе 1918-го:

*Всё пройдет в никуда. Лишь стихи, мои дети,
Самозванцы не смогут никогда позабыть* [В.Г. Шершеневич. Принцип параллелизма тем (01.1918)].

Вадим Шершеневич в эти годы был крайне популярен на эстраде, соперничая с Маяковским, то есть его творчество было на слуху. В 1920 г. оборот появляется в стихах его друга, другого имажиниста — А.Б. Кусикова: «*Я мчался на коне крылатом / В нельзя, за грани, в никуда...*» [А.Б. Кусиков. Аль-Баррак (14.04.1920)], а также в поэме Марины Цветаевой «Царь-девица», героиня которой повествует возлюбленному: «*— Нигде меня нету. / В никуда я пропала*» [М.И. Цветаева. Встреча третья и последняя [Царь-девица, 7] (14.07.1920—17.09.1920)]. У Цветаевой же в следующем 1921 году о комете: «*Косматая звезда, / Спешащая в никуда / Из страшного ниоткуда*» [М.И. Цветаева. «Косматая звезда...» (10.05.1921)].

В 1920 году Шершеневич употребляет оборот и в прозе: в эссе о содержании и форме поэзии « $2 \times 2 = 5$ »: «*Так подбираю я вожжи расстрепавшихся мыслей и мчу в никуда свой шарлатанский шарабан*» [В.Г. Шершеневич. $2 \times 2 = 5$ (1920)].

Анализ остальных ранних контекстов показал, что в первые 25 лет существования оборот встречается преимущественно в поэзии и прозе, стилистически близкой к поэзии или тематически связанной с поэзией, как упомянутое эссе Шершеневича, как, далее, мемуары, написанные поэтами и/или описывающие поэтов.

Вот несколько примеров из данной выборки НКРЯ.

Акмеист Михаил Кузмин пишет о символисте Андрее Белом (цитируя при этом описываемого): он «*прыгает не « в никуда », как уверяет, а в ту же литературу*» [М.А. Кузмин. Мечтатели (1921)].

Журналист Владимир Рындзюн (псевдоним А. Ветлугин), одно время секретарь и переводчик Сергея Есенина — о Сергее Есенине: «*Голова, запрокинутая в безбрежность, глаза не в небо и не в землю, а так, поверх присутствовавших, в «никуда»...*» [А. Ветлугин. Воспоминания о Есенине (1926)].

Упомянутый Андрей Белый — о мистике Анне Минцловой, принадлежащей к «Башне» Вячеслава Иванова, таинственно и бесследно исчезнувшей в 1910 году: «*...в черном своем балахоне она на мгновение передо мною разрослась; и казалось: ком толстого тела ее пухнет, давит, наваливается; и — выхватывает: в никуда!*» [Андрей Белый. Между двух революций (1934)].

Упомянувшийся Вадим Шершеневич — об упоминавшемся Иване Рукавишникове: «*За всей трезвой логикой его рассуждений была какая-то грань пропадания в никуда*» [В.Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934—1936)] (мемуары

не публиковались при жизни автора). Последний фрагмент объединяет двух поэтов, первыми употребивших исследуемый оборот согласно НКРЯ, и в целом примеры демонстрируют употребление оборота в довольно тесном поэтическом кругу.

Кроме того, оборот появляется в прозе авторов — признанных стилистов 1920-х — 1930-х годов (Андрей Соболев, Борис Пильняк), а также в пародирующей высокопарную поэтическую речь реплике персонажа черной комедии Н.Р. Эрдмана “Самоубийца” (1924).

Ранние стихотворные контексты поэтического корпуса НКРЯ включают, помимо уже упомянутых, строки Татьяны Щепкиной-Куперник, эмигрантов Давида Бурлюка, Анны Присмановой, Ирины Михайловской, принадлежавшей к объединению “Поэты пражского Скита”.

*Как петух, я ведь тоже — не молчаливый потомок
В Никуда бесконечно ушедших веков* [Д.Д. Бурлюк. На фарме (1932)].

За 25 лет, с 1912 по 1937 г. включительно в НКРЯ содержится всего 35 вхождений оборота. Из них в поэзии 11 вхождений, в прозе (мемуарной и художественной, при этом тесно связанной с поэзией) вхождений больше: 24. Однако с учетом количества слов в выборках³ частота *ipm* в поэзии выше: 1.2 против 0.14 в прозе. А если учитывать, что в поэзии оборот до 1918 года отсутствовал, и рассчитать частоту только на стихотворениях 1918–1937 годов, она будет еще выше: 4.6.

Таким образом, в это время оборот *в никуда* не употребляется вне поэтического (в широком смысле) контекста: он не встречается в публицистике, в бытовой прозе, в будничных диалогах. То есть в это время он функционирует в более узком стилистическом спектре, чем сегодня, в XXI веке, — а именно, только как средство придания тексту возвышенности и как поэтизм. В поэзии он встречается чаще, чем в художественной прозе, при этом это поэтизм свежий, неизбитый, поскольку его частотность как минимум в 5 раз ниже, чем в современной поэзии.

В прозе оборот встречается в это время гораздо реже, чем в поэзии, и является редкой единицей. Слова с такой низкой частотой (0.14) отсутствуют в Новом частотном словаре, но, для иллюстрации, с частотой втрое выше (0.4) встречаются лексемы *яловый, юлианский, шорник*.

³ 9 млн слов в поэтическом корпусе НКРЯ 1912–37 гг. и 164 млн слов в основном корпусе НКРЯ 1912–37 гг.

С конца 1930-х: устойчивый поэтизм и прозаический неологизм

В следующие десятилетия оборот *в никуда*, как показывает анализ НКРЯ, с одной стороны, становится устойчивым поэтизмом, а с другой — постепенно выходит за рамки поэтического языка.

В конце 1930-х годов и в 1940 г. Анна Ахматова впервые в своем творчестве использовала оборот в глубоко трагическом контексте — в упомянутом стихотворении “Один идет прямым путем...” (1940 г.) и в “Реквиеме”:

*И только пышные цветы,
И звон кадилльный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда* [А.А. Ахматова. “Семнадцать месяцев кричу...” [Реквием, 7] (1935–1940)].

В целом в творчестве Ахматовой 5 вхождений этого элемента (последнее — в тексте [“Как древние в Коломенском ворота...” (1952–1962)]). Это абсолютный максимум: ни у кого из авторов в поэтическом подкорпусе НКРЯ нет такого количества употреблений оборота. В основном с его помощью характеризуется гибельность эпохи для автора и ее круга. Надо учитывать гораздо бóльшую редкость, необычность исследуемой единицы, чем в современной речи, т.е. бóльшую выразительность.

Среди русских поэтов, употреблявших оборот с конца 1930 г. по 2015 г. (последнее появление), мы видим и эмигрантов первой волны (напр. Георгий Иванов, Игорь Чиннов — у него оборот встречается дважды), и советских литераторов, далеких от эстетики Серебряного века (напр., Константин Симонов, Юрий Левитанский, Юнна Мориц — у всех дважды), и авторов андеграунда (напр., Олег Охупкин, Генрих Сапгир, Алексей Цветков). В песнях Александра Галича единица использована четырежды — так же, как и позже в стихах Бориса Рыжего. Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Олег Чухонцев, Наум Коржавин, Иосиф Бродский — названные имена говорят об отсутствии связи исследуемого элемента с каким бы то ни было конкретным направлением и поэтикой, сфера его употребления — поэзия как таковая.

С годами характерность оборота для языка поэзии росла. Это выяснилось после расчета общей частоты выборок из поэтического корпуса НКРЯ для разных 25-летних периодов. Если с 1912 по 1937 г. частота была 1.2, см. выше (а с первого появления, с 1918 по 1937 г. — 4.6), то с 1938

по 1963 г. – примерно 10, с 1964 по 1989 г. – примерно 16, с 1990 по 2015 г. – 34.

В то же время, оборот постепенно появлялся в других стилях и жанрах. В 1938 г. в частной переписке Татьяны Луговской, сестры поэта Владимира Луговского, впоследствии известной мемуаристки, с драматургом Леонидом Малюгиным он впервые используется в бытовом контексте: “*вы не дали мне адреса – я же не могу писать в никуда?*” [Т.А. Луговская. Письма Л.А. Малюгину (1938)]. Подобные контексты в это время единичны.

С шестидесятых–семидесятых ситуация меняется, что, возможно, связано с общим ростом популярности единицы в связи с выходом в СССР в 1957 г. перевода романа Франсуа Мориака “*Les Chemins de la mer*” (“Пути моря”), который в России получил заголовок “Дорога в никуда”⁴.

В художественной прозе появляются контексты, связанные с бытом, с повседневностью: “*Появившаяся стюардесса с трудом оттаскивает его от этой двери в никуда. – Гражданин, что вы делаете?!*” [Леонид Ленч. Оказывается, существует // “Огонек”. № 10, 1970]; “*Одно дело писать реферат в никуда, а другое – в академический сборник, где чуть не десять инстанций, не считая цензуры и отдела пропаганды ЦК*” [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)].

Оборот может использоваться даже в инструкции к упражнению:

“*Еще одно упражнение. Лежа или сидя в кресле. Глаза широко открыты. Взор – вдаль, в никуда, в течение 3 минут*” [Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)].

Наконец, оборот попадает в публицистику, в контексты, аналогичные тем, которые мы видим и сейчас, в XXI веке: “*Значит, тот миллион комбайнов, что выпущен в семидесятые годы, ушел в никуда? Еще молодым? Считайте как хотите. Он на списание ушел и переплавлен, тот миллион, а формулировки – вещь субъективная*” [Ю.Д. Черниченко. Комбайн косит и молотит (1982)].

Таким образом, в XX веке растет употребительность, частотность оборота в поэзии, и параллельно он постепенно превращается в общеязыковое выразительное средство.

Субстантивация отрицательных местоименных наречий в русской поэзии за рамками идиомы в никуда

Возникновение в поэтическом языке оборота в никуда спровоцировало создание русскими

поэтами и других аналогичных выражений, в которых субстантивированное местоименное отрицательное наречие сочетается с предлогом направления. В произведениях разных авторов вскоре возникает целый ряд подобных выражений в качестве выразительных поэтизмов: *из ниоткуда, в никогда, в нельзя* (см. выше, в стихотворении А.Б. Кусикова “Аль-Баррак”), *в нигде, из никуда* (см. выше, в стихотворении А.А. Ахматовой “Имя”).

*Схоронился “в нигде” талисман,
Как Господа сердце – немолчный таран!* [Н.А. Клюев. Белая Индия (1916–1918)];

*Мир без вести пропал.
В нигде – Затопленные берега...* [М.И. Цветаева. “Бессонница! Друг мой...” [Бессонница, 11] (1921)].

Конструкция *из ниоткуда*, употребленная М.И. Цветаевой при описании кометы в 1921 г., цитировалась выше; она возникает и в обязательном стихотворении 1926 г. Татьяны Щепкиной-Куперник “Владыкино” о заброшенной в тот момент грузовой кольцевой железной дороге вокруг Москвы (ныне Московское центральное кольцо, восстановленное для перевозки пассажиров):

*Там по дороге по Окружной,
Забывтой всеми и ненужной,
Пустые мчатся поезда
Из “Ниоткуда” в “Никуда”* [Т.Л. Щепкина-Куперник. Владыкино: “У самых рельсов сад зеленый...” (1926)].

В упоминавшемся стихотворении А.А. Ахматовой “Один идет прямым путем...” использована пара конструкций “*в никуда и в никогда*”. Второй компонент крайне редок; почти все сочетания *в и никогда* являются частью совершенно другой конструкции: *в никогда не виденный мной Стокгольм, в никогда не убираемых снегах*, т.е. вставкой причастия с отрицанием *не* и наречием *никогда* между предлогом *в* и существительным в предложном или винительном падеже (в чем? куда?).

Однако в поэтическом подкорпусе НКРЯ имеется и один настоящий случай употребления *в никогда* аналогично *в никуда* в 1919 г. Его автор также поэт-авангардист, словотворец:

*Лени друг и враг труда,
Ты поклялся, верю чуду,
Что умчимся в никогда
И за бедами забуду,
Что изменив, как вода* [Велимир Хлебников. “Лесная тоска”, 1919].

Оборот использован в речи Русалки, обращенной к Ветру, в маленькой сказочной драме

⁴ Пер. Н. Немчиновой. М.: Изд. иностр. лит., 1957.

“Лесная тоска”, написанной Председателем Земного Шара в психиатрической лечебнице Харькова, где поэт спасался от призыва в деникинскую армию. *В никогда* вместо явно должествующего быть здесь *в никуда* служит яркой иллюстрацией так называемой “сдвигологии”, которая, по А.Е. Крученых, является неотъемлемой частью творчества: «Эпитет контрастирующий заменен эпитетом ни с чем не сообразным; стрельба в обратную сторону требует в работе над стихом особо важные части произведения отмечать словом, которое “ни к селу, ни к городу”. Разряжение творческого вещества происходит в сторону случайную!» [7, с. 20]. Возможно, в 1940 г. Анна Ахматова вспомнила хлебниковские строки.

Описываемое использование таких конструкций стало отдельным художественным приемом, однако этот прием имеет очень ограниченное употребление. Ни одна из этих единиц не вышла за рамки поэтического языка — в основном поэтического языка конца 1910–1920-х годов, когда всё это было особенно свежо и модно — да и в нём все эти конструкции остались очень редкими, авторскими, искусственными.

Заключение

Русская идиома *в никуда*, в которой сочетается субстантивированное наречие *никуда* и предлог *в*, сегодня употребляется в устной речи, языке медиа, языке художественной литературы, при этом наиболее часто — в поэтическом языке, то есть ее основная роль — роль поэтизма, второстепенная — роль выразительного средства в общенародном языке.

Такая ситуация сложилась постепенно в течение XX века. В доступных источниках идиома впервые зафиксирована в написанном не позднее 1910 г. романе поэта-символиста Ивана Рукавишников “Проклятый род”. В первые десятилетия конструкция употреблялась только в поэзии и прозе, связанной с поэзией, затем проникла в бытовую и публицистический дискурсы. История выражения является примером и демонстрацией принципиальной возможности проникновения поэтизма в общенародный русский язык. В настоящее время он уже совершенно не ощущается чем-то чужеродным ни в языке повседневности, ни в медийной речи, не служит здесь отсылкой к возвышенному поэтическому стилю. По сути, идиома стала органичной частью арсенала клише — выразительных средств общенародного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
2. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, Издательство “ЧеРо”, 1997. 480 с.
3. Петрова Н.Е. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1–2. С. 35–42.
4. Google.books URL: <https://books.google.com/>
5. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
6. Шиян Л.И. Иван Рукавишников и его роман “Проклятый род” // Рукавишников И.С. Проклятый род. Н. Новгород: Нижегородская Ярмарка, 1999. С. 5–12.
7. Крученых А.Е. Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный. М., 1922. 48 с.

REFERENCES

1. *Nacionalnyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru>
2. Rahmanova, L.I., Suzdaltseva, V.N. *Sovremennyy russkij yazyk. Leksika. Frazеologiya. Morfologiya: Uchebnoe posobie* [Modern Russian Language. Vocabulary. Phraseology. Morphology: Textbook]. Moscow, Izd-vo MGU, Izdatelstvo “СНeРо” Publ., 1997. 480 p. (In Russ.)
3. Petrova, N.E. *Substantivaciya I deadverbializaciya narechij v sovremennom russkom yazyke* [Substantiation and Deadverbialization of Adverbs in Modern Russian]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Series 2: Humanities]. 2009, Vol. 63, No. 1–2, pp. 35–42. (In Russ.)
4. Google.books URL: <https://books.google.com/>
5. Lyashevskaya, O.N., Sharov, S.A. *Novyy chastotnyj slovar russkoj leksiki* [New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (In Russ.)
6. Shiyani, L.I. *Ivan Rukavishnikov i ego roman “Proklyatyj rod”* [Ivan Rukavishnikov and His Novel “The Cursed Family”]. Rukavishnikov, I.S. *Proklyatyj*

rod [The Cursed Family]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya Yarmarka Publ., 1999, pp. 5–12. (In Russ.)

7. Kruchenyh, A.E. *Sdvigologiya russkogo stiha. Traktat obizhalnyj* [Shiftology of Russian Verse. Treatise Offensive]. Moscow, 1922. 48 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 августа 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 мая 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on August 14, 2022
Revised on May 3, 2023
Accepted on June 15, 2023
Date of publication: August 31, 2023